

О МАТЕРИНСТВЕ, КАК ОСНОВЕ РОДА, О РОДОВЫХ НАЗВАНИЯХ И ЗНАКАХ СОБСТВЕННОСТИ У ВОТЯКОВ

П. М. СОРОКИН

A kézirat közreadásakor a következőképpen jártam el:

1. Az eredeti helyesírást csak részben módosítottam. A szóvégi keményjeleket elhagytam, a régi helyesírás szerinti -i- és -ѣ- betűket a ma használatos -и-ре és -е-ре cseréltem.

2. A kéziratban Szorokin által elhelyezett lábjegyzetek jelölése az eredetivel megegyezően arab számokkal és csillagokkal történik. A kézirathoz fűzött megjegyzések kis latinbetűs lábjegyzetekben kaptak helyet, oldalanként újrakezdve.

3. A kézirat eredetileg oldalanként volt számozva. A levéltárban laponkénti számozással van nyilvántartva. Jelen közlésben a laponkénti számozást követem, megjelölve, hogy a lap verso vagy recto oldaláról van-e szó.

A kéziratot egy másoló keze írta. A kiegészítések Szorokin keze írásával.

A kéziratnak kétlapos borítója van, az alábbiak szerint (0v, 1v és 1r):

0v

Вятская ученая архивная комиссия

”О материнстве, как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у
вотьяков

С изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей”

П. Сорокин^a

1v

”О материнстве, как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у
вотьяков

С изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей”

П. М. Сорокин

Вятка

1895 года^b

1r

[Olvashatatlan négy szóból álló feljegyzés, a cenzori hivatal kerek pecsétje és egy 80
kopekes okmánybélyeg]

2v

^a A kézirat levéltári fedlapja. Az oldal bal felső sarkában a levéltári pecsét: Исторический архив/гор.
Кирова/Фонд N 170 оп. N 1. ед. хр. N 127

^b A kézirat eredeti fedlapja. A lap felső szélén nehezen olvasható írással: В Санкт-Петербургский
цензурный комитет. Представили настоящую рукопись, имею честь покорнейшее просить
Цензурный Комитет разрешите [olvashatatlan két szó] а по разрешении выслать в г. Вятку,
типографию Маншеева. Вятка, 20 января 1895. [olvashatatlan 3 szó]. В. Маншеев

[másik kézzel] N. 517/4 февраля 1895

О материнстве, как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков

Начало материнства в семейных отношениях („матернитет“, *jus maternitatis*), у вотяков открыто Н. Г. Первухиным, а введено в науку проф.^а Смирновым. В быту вотяков, утверждают эти ученые, сохранились обычаи неизведанной древности, заключающие указания на некогда существовавшее обыкновение считать^б родство по материнской линии^с.

В качестве оснований для установления такого вывода послужили первому из ученых некоторые объясненные им^д обычаи в известном смысле, а второму, кроме того, филологические изыскания. — Приведем эти основания в словах обоих авторов.

Первухин^а „... в Воршудных прозвищах и в Воршудных божествах (вотских ларах и пенатах) мы встречаем не мужские, а женские имена. — Это остаток права наследования по матери (*jus maternitatis*).” Далее автор указывает на слишком большое неравенство лет при женитьбе (жених много моложе невесты), как на прямой пережиток некогда существовавшей у вотяков полиандрии ... „следствием такой полиандрии необходимо должно было быть наследование прозвища не от отца (неопределенного), а от матери (точно известной).” Э. V. 44.¹ 2. Эскиз I 37. „Четвертое значение слова: „Воршуд” есть род, поколение — относящееся исключительно к лицам женского пола. Это — *фамилия* матери, переходящая через дочку к внучке и таким образом сохраняемая в

2v

потомстве.” Прогрес этой передачи имени описывается г. Первухиным. Э. V. 14. „При обрезывании девочки обрезывающая старуха читает пожелания (будь ты хорошая пряха и пр), заключая пожелания этими словами: — „Будь хорошей Дурга или Чабья, или Биня” и т. д. т. есть не давая собственного имени девочке, а называя её лишь по воршудному имени её матери.” Далее мы узнаем, что так зовут девочку только до крещения, а после того ей присваивается исключительно христианское имя, до замужества. По выходе замуж она снова получает имя по воршуду, от родных мужа, тогда как её родня зовет её попрежнему. I. 37.

Далее, фактическое подтверждение того же начала видит г. П-н в том, что существовавшие в каждом отдельном доме „воршудные кораба” были посвящены воршудному божеству иногда даже прабабки — самой старшей женщины в доме, основательницы этого дома, как отдельного хозяйства.

Исходя из этих оснований, г. Смирнов считает себя в праве сказать (I. 137–8): — Мы имеем таким образом имя, обнимающее совокупность всех женщин, происшедших от одной родоначальницы — явление, равнозначущее с фамильным

^а utólag beszúrva

^б az utolsó két szó utólag ceruzával beszúrva

^с javítva ceruzával по матери-ből

^д beszúrva a lap szélén ceruzával olvashatatlan két szó

¹ Для краткости я делаю ссылки на авторов следующим образом: Первухин: I, II и т. д. эскизы; Верещагин: „Вотьяки Сосновкаго края” — I, „В. Сарапульскаго уезда” — II; Смирнов: „Вотьяки” — I, „Пермяки” — II

прозвищем, которое говорит о происхождении от одного родоначальника. Этот обычай прекрасно гармонирует с догадками, которые мы сделали на почве языка. Мы имеем в нем несомненный обломок древняго матернитета. Мать уступила отцу право передавать свое (?) имя сыну, но сохранила за собой право передавать собственное имя дочери. В Глазовском уезде повивальная бабка, нарекая имя новорожденной девочке, говорит: „будь ты хорошая Чабья, Эбга (имя матери)” (ссылка на Вят. Губ. Вед. 1889 г.). В Бирском уезде этот обычай начинает уже понемногу выходить из

3г

употребления. Там довольствуются тем, чтобы имя дочери только походило на материнское – если мать зовут Шарби, дочь называют Шарбинат, Шарбике, Шарбика, Шарика, Шарназ (по указанию матери).” – Далее, „Если один из родовых прозвищ представляют собой женския имена, другия мужския, то мы в праве сделать из этого обстоятельства новый вывод, благоприятный для констатирования у вотяков матернитета рядом с родами, связанными сознанием происхождения от общего родоначальника, у Вотяков были роды, связанные когда то сознанием происхождения от общей родоначальницы, и эта связь обнимала уже не одних женщин, но и мужчин. Мы имеем другими словами, полное появление матернитета, хотя и на^а степени крайняго вырождения.” Несколько странно слышать далее, 141, что „Количество фактов, которое мы привели, не достаточно еще для того, чтобы можно было с уверенностью говорить о матернитете, как одном из моментов в развитии вотской семьи... Мы имеем основание предположить, что матернитет долгое время держался с патернитетом и не заменил его, а вошел с ним в компромисс.”

Не будучи компетентен в лингвистике, я^б не стану касаться сделанного г. Смирновом разбора значений вотских терминов родства¹, но не могу не заметить, что все основание для вывода в пользу матернитета дают ему значения корней – *чужс* – для родства по матери и *вужс* для родства по отцу. Первое означает *рождение*, второе – *корень*. Г. Смирнов удачно показывает преимущества первого над вторым и констатирует предпочтение^с, отдаваемое первому вотяками, поместив-

3v

шими его на первом месте в слове „чыжы-выжы” – вообще родственники по обоим линиям.

Прежде изложения пунктов несогласия моего с обоими почтенными авторами, укажу таковые у них по отношению одного к другому, т. е. собственно у г. Смирнова, так как он опирается на Первухина. Укажу во первых, что относительно начала „патернитета” г. Смирнов^д не приводит оснований^е. На чем основано даже это^ф его утверждение, что воршудня

^а tollal utólag beszúrva

^б ceruzával utólag beszúrva

¹ I.

^с szóközépen лож tollal áthúzza, fölé írva: чт

^д utána áthúzza: не имел права говорить, так как

^е az áthúzott в его пользу ровно ничего szavak fölé írva

^ф даже это utólag tollal beszúrva

прозвища суть^a имена и женския, и мужския?^a Если *небольшое* им количество встречается в переписи 1676 г. (I. 38.) в качестве имен отцов, – это еще очень сомнительное доказательство^b. Он не приводит собственных наблюдений, а мнения г. Первухина, выведенные из наблюдений последнего, как сам же замечает г. Смирнов, колеблются. Последнее, впрочем, неправда, как показывает вышеприведенная цитата из последнего, V. эскиза^c; эта цитата исключает^d патернитет. Далее, г. П-н при описании обряда обрезывания новорожденной выражается о даваемом при этом имени как о временном, до крещения, а не об имени *собственном*, у г. Смирнова смысл цитаты вполне иной, хотя на подобное понимание он едва ли [sic!] имеет право. На этом то основании смотрит на заключения г. Смирнова, как на нечто положительное – нельзя, и я позволю себе прямо обратиться к Первухину.

По утверждению последнего: „Вотьяки распадаются на рода, имеющие названия (I. 18.), которые сообщаются^e и покровителю рода – Воршуду. Рода эти, называемые также Воршудами (I. 37.) и состоят из преемствующих поколений женщин, – которые поэтому и являются исключительными носительницами родовых прозвищ (V. 14.). Чтобы лучше уяснить, как это отражается в быте вотьяков, возьмем кон-^f

4г

кретный случай. Вотьяк, у которого мать из рода Бигра, который (по мнению г. П-на, конечно) считается в роде Бигра, основывает отдельное хозяйство с женою из рода Какся. Заводится „воршудный короб“, который посвящается воршуду Какся. Сам хозяин, молясь, обращается к воршуду^g Бигра (по матери), а его жена и дети к Какся. Его дочери поэтому, при рождении, будут называться Какся, так же их будут звать по выходе замуж. Если от него отделится сын, с женого по воршуду Чабья, то и новая семья образуется с другим воршудным именем. Если он, наконец, овдовеет и женится на женщине воршуды Кушья, то новое потомство будет иметь новое родовое имя Кушья, хотя выйдет из дома, где воршудный короб посвящен Какся. Таким образом, из одного дома выйдут замуж девушки-дочери с разными воршудными именами, да вдобавок еще внучки (от сыновей) могут называться отлично от первых.

^a áthúzza: я не вижу из текста

^b az egész mondat utólag tollal beszúrva az áthúzott a я не вижу из текста szöveg fölé

^c ceruzával áthúzza: уважаемого ученого. Но

^d a ceruzával áthúzott не благоприятна для fölé utólag ceruzával beszúrva

^e kihagyott helyre utólag tollal beírva

^f az oldalon nics lábjegyzet hivatkozás, de a lap alján 1. számú lábjegyzetben a következők: Хотя бы уже потому, что в виде *собственного имени*, в положительной форме, не встречается ни одно (см.). Ссылка на местные названия (I. 38.) вроде Квака-пи и пр. очень неуместна. Г. Смирнов уверен, что имя Квака принадлежит *основателю* селения. Может быть и да, и нет. В последнем случае оно может принадлежать 1) Воршудному роду и 2) просто женщине, матери основателя.

^g a szó kis kezdőbetűje utólag nagybetűből javítva

Так как мужчины семейства, за редкими исключениями¹, никогда не зовут себя и не зовутся другими по воршудному имени, то является вопрос, к какому же воршуду² они себя причисляют: матери или основательницы дома? Г. Первухин прямого ответа не дает. У него встречаются безразлично: род Бигра (I. 26.), род Пыбья (I. 29.), Воршуд Дзумья, Чабья, Какся и пр. (42–46.) Так как по его словам новая женщина „сопричисляется” к „Воршуду семейного чума той семьи, куда она вошла”, особым церемониалом, а так как в этой семье может вовсе не быть женщин с родовым прозвищем по этому воршуду, то более чем странно говорить о „родовом” божестве в лице Воршуда: это было бы *домашнее* божество, в сущности иногда не имеющее прямого от-

4v

ношения ни к кому из членов семьи, так как каждое поколение в доме имеет воршуд только своей матери. Между тем, все исследователи называют воршуд³ именно родовым божеством, а следовательно и носителем его названия должна быть какая-нибудь сторона – мужская или женская, раз оно называется по роду. (I. 18.). Непоследовательность и путанность, введенные в вопрос отсутствием точного определения рода г. П-м, исчезает, если мы обратимся к другим исследователям. Так г. Богаевский признает род совокупностью кровных родственников по мужскому колену, причем имя божества рода (мудор, воршуд) распространяется и на женщин рода. Гаврилов говорит неоднократно о „воршуде родители”, то есть признает мужчину по крайней мере носителем и хранителем культа этого божества. Верещагин настойчиво утверждает (II. 80–81), что воршуд божество родовое, перешедшее от родоначальника племени (т. е. собственно рода). За такое понимание Воршуда свидетельствует существование дзек или бадзым куал – великих чумов, кудос и по Первухину (II. 4.), и по всем другим исследователям⁴ собираются члены *рода* для общего моления, т. е. члены рода, живущие в селении. По определению г. Первухина должны бы здесь собираться только те, у кого матери носят известное воршудное прозвище, но⁵ этого не может быть. Действительно, дзек куалы носят название по какому-нибудь воршуду, часто коренному и древнему в деревне, и для каждого воршуда имеется особая куала, напр. Пыпья квала, Дзядца квала, Тапья квала⁶. Обыкновенно в деревне бывает 2–3 куалы. Между тем женщин с разными родовыми прозвищами не одна почти в каждом доме. Это обстоятельство указывает на то, что определение г. П-м вотско-

5r

го рода, имеющего атрибутом одно родовое божество, одностороннее и неправильно. Дальнейшее знакомство с делом убедит нас в этом. Так, краеугольный камень теории г. Первухина очень шаток, если не сказать более. В то время, как П-н утверждает, что девочке дается имя по матери, Гаврилов

¹ Да и встречающиеся изредка случаи относятся совсем к особому роду. В д. Сёпычкар Лудошурской волости Гл. у. мне указали 3 братьев, имеющих прозвище Дурга, но эти братья – дети незамужней [felette ceruzával: вдовы] женщины. У Верещагина (I) упоминается Уля–Онтон.

² a szó kis kezdőbetűje utólag nagybetűből javítva

³ ceruzával áthúzza: не говоря о том, что это же подтвердит и автор

⁴ tollal áthúzza: (при его допущении)

⁵ Попов. Вят. Губ. Вед. № 45. 1851 г.

пишет следующее (169) „Если (родившийся) младенец женского пола, то ей (ему) дается имя воршуда, к которому принадлежит *ея родитель*.“ Далее сообщает он, что этим именем девушку^a никогда и никто не называет в родной семе, а после замужества в доме мужа почти всякий и всегда. Итак, по Гаврилову, имя, которым зовут женщину в чужой семье, есть имя воршуда, но не материнского, а отцовского. В литературе имеются непрямыя подтверждения этого сообщения; так Богаевский сообщает, что женщину зовут именем родового божества, Попов, – что „жене своих они (вотяки) зовут именами чумов того селения, из катораго оне поступили в супружество“ (дело идет о родовых дзек квалах, называемых по имени воршуда^b, которому посвящены). Итак большинство^c самостоятельных исследователей, считая имя замужней женщины именем родовым, под родом разумеют нечто осязательное, имеющее точку опоры в семейном и общественном чуме, а не такое непостоянное, изменчивое явление, как наличность в селении женщин одного воршуднаго прозвища.^d В действительности дело идет так, что дочь семьи называется в замужестве по воршуду отца, а не матери. Что же за воршуд отца? Это воршудное божество какого нибудь имени, которому посвящена в доме „воршудная

5v

коробка“, которое, как веруют вотяки, живет в семейном чуме, и которому молятся в родовом. Воршуд этот переходит от отца к сыновьям, но его следы остается, в виде прозвища и на дочерям.^e К сыновьям переходит он как пенат, они усвоят его чум^f, право молиться ему в квалах, семейных и общественных^g чумах, к дочерям переходит^h же право (если можно сказать) называться по имени воршуда в чужой семье, по замужестве. Мне пришлось проделать, с целью убедиться в своем заключении, несколько десятков вопросов такого рода: – „Какой у тебя воршуд? – Бигра. – А жену как зовешь? – Чола. – А дочь твою как будут звать замужем? – Бигра. – А не Чола? – Зачем? нет.“ Как я ни варировал вопросы, результат был один и тот же. Опросы же я делал в пределах Сарапульского и Глазовскогоⁱ уездов, даже по следам, так сказать, Первухина. Ни на одно исключение мне натолкнуться не привелось, и я решительно следую за Гавриловам. Не желал бы я, чтобы меня сочли обвинителем^j. Впрочем, я обвиняю г. П-на не^k, в чем нибудь ином, как только

^a áthúзва: ee, tollal fölé írva: девушку

^b a szó kis kezdőbetűje utólag nagybetűből javítva

^c javítva ebből: у большинства

^d A következő, négy sorba írt mondat utólag tollal zárójelbe téve és függőlegesen két vonallal áthúзва:

Позволю и себя причислить к тем исследователям, которые не могут согласиться с Г. Первухиным в этом вопросе.

^e javítva ebből: и к сыновьям, и к дочерям

^f а он как пенат, они усвоят его чум beszúrva только helyére

^g a szó utólag tollal beszúrva

^h a szó utólag ceruzával beszúrva

ⁱ eredeti szórend fordított, utólagas átszámolás után így

^j áthúзва: почтенного учнаго

^k a félmondat utólag ceruzával beszúrva

в игнорировании действительности^а современного^б быта вотяков^с, ради весьма импонирующего вывода. Он пытался применить этот вывод слишком широко, забывая, что имеем долго по крайнем мере^д с вымирающим пережитком.

Г. Первухин не обратил внимания, между прочим, на описание обряда „перенесения воршуда на новое место”, сделанное г. Верещагиным. При основании отделившимся сыном нового хозяйства, воршуд „приглашается” особую молитвой идти из *отцовского шалаша* (чума) в новый, сыновный. При этом берется часть золы с очага и кусочек деревянного крюка, на котором висит котель (Ш). Если воршуд приглашается из отцовского шалаша, то и звать его должны, конечно, так, как зовет отец.

Есть, впрочем, возможность отчасти оправ-

бг

дать г. П-на и согласить два эти диаметрально противоположные взгляда. Несомнению, что дочь по замужестве носит имя воршуда отца^е, но как её зовут до крещения? Возможно, что, по местным обычаям, различно: по воршуду отца и по воршуду матери, и просто созвучному с именем по имени матери^г, как говорит г. Смирнов или даже^д языческим именем. Большой важности этому обычаю, однако, придавать нельзя, – если даваемое имя является временным, случайным, которое заменяется именем христианским. Ранее в этом случае давали девочке особое (банное) имя, несколько не обязанное с воршудом, нпр. Тукбей, Культо, Туйбикэ (Сосновская волость). При существовании таких имен (а это, как будто, осталось неизвестным г. Первухину) ранее и при искоренении их усилиями духовенства, разбираемый обычай являлся только заменой нареканий имени, что указал и г. Первухин.

Неприложимость начала материнства в действительности вотского быта наглядно доказывается еще и несогласованием его с родовыми отношениями, определяемыми чрез посредство знаков собственности, о чем будет речь ниже.

Вышесказанное заставляет оставить в стороне теорию г. П-на и пожалеть, что ради предвзятой идеи неправильно истолкован собранный им богатый материал. Мне кажется, что под теорией „матернитета”, нет почвы. Все фактическое неоспариваемое основание^г составляет (только для некоторых^и его следов) обычай называть родовым прозвищем *только женицин*^г. Другой исследователь – г. Богайевский – видит в нем следствие первобытного коммунального брака, что почти равносильно „матернитету” г. П-на. Однако, мне

^а utólag ceruzával beszúrva az áthúzott условия helyett

^б javítva ebből: современности

^с e két szó utólag ceruzával beszúrva

^д a kifejezés utólag ceruzával beszúrva

^е eredeti szörend, utólag átszámozva: имя воршуда отца носит дочь по замужестве

^г eredeti szörend, utólag átszámozva: по имени матери, созвучному с именем

^д áthúzva просто felelte utólag ceruzával beszúrva: даже

^и utólag tollal beszúrva

^и eredeti szörend, utólag tollal átszámozva: для некоторых только

^г javítva tollal ebből: жены

6v

кажется, возможно несколько проще смотреть на дело. В действительности этот обычай имеет много сродства с обычаем русских звать женщин, даже иногда жену, по отчеству, и не по имени. Если существовали у женщин банья, и существуют, но не употребляются христианские имена, то, вероятнее разбираемый^a всего, обычай есть своеобразной^a акт вежливости или почтительности к чужому воршуду.

Это заключение приводит нас к несколько необычному взгляду на самое воршудное родовое прозвище.

Мы знаем много инородцев, как черемисы, татары, которые, памятуя о степенях родства, не дают роду особого наименования. – Известно, что и русские крестьяне сравнительно^a очень не давно (в значительном большинстве случаев) приняли фамилии. Итак, нет ничего странного в предположении, что у вотяков собственно нет названий для рода, а есть только, так сказать, словесный атрибут его, – каковые и является имя „родового божества”. Словом прозвище женщины имеет характер символический, а вовсе не есть имя собственное¹. Я уже привел выше цитаты из труда Первухина, указывающие на понимание им прозвища отчасти^c в таком смысле. „Это фамилия матери, говорит он, переходящая чрез дочку к внучке.”

Здесь входим мы в сферу незатронутого еще вопроса о сущности воршудных имен.

Г. Смирнов, по оценке данных pro и contra, находит, что „(140) воршудное имя представляется прозвищем рода, переносившимся и на его покровителя духа.” Однако, мужское или женское это имя? Г. Смирнов уже зывает на сходство банных имен мужских (каких?) и женских имен с воршудными прозвищами (139). Г. Первухин сначала

7r

(Эскиз I) колебался, а затем (Эскиз V) решил, что это только женские имена. Того же взгляда держатся Богаевский, Гаврилов. Основанием для г. Смирнова послужили, кажется, еще^a разсуждения Верецагина^b.

^a utólag tollal beszűrva

^b Itt egy 1. számú lábjegyzet van jelölve a kéziratban, de maga a lábjegyzet a lap alján át van húzva: который он „хорошо изучил, но слишком сурово оценил.”

¹ Нам следует оговориться: такой взгляд уже мелькал у исследователей. Подтверждение его у нахожу в том, что воршудные прозвища в фамилии не обратились. Я имею случаи ознакомиться с фамилиями вотяков в большей части Глазовского, Сарапульского и в Слободском уезде, и в массе фамилий нашел только 3 ф. Бигриных (Д. Омсинская) и 10 ф. Квакиных (Д. Пашино, от Слободского уезда).

^c áthúzott именно főlé tollal beszűrva

Г. Верещагин в своем очерк „Вотяки Сосновского края” приводит рассказ о том, как образовался новый род и новый Воршуд – Пупья. Лично побывав в пределах жителства этого рода, я могу вполне подтвердить, что рассказываемое им (не есть вымысел книжника (Смирнов), а) действительно живое народное предание. Начались „за Камой” среди вотяков волнения по поводу того, что их стали брать в солдаты и отягощать работами, и вот один вотьяк из рода Сурма, по имени Ожмег, решился бежать и скрыться в Сарапуилских лесах. Подойдя к Каме, он встретил большое затруднение: река слишком широка, чтобы пуститься вплав, лодки, вероятно, не оказалось, а переправы были заняты сторожами. Не найдя ничего лучше, он ухватился за следующее средство. Нарезав ветвей липы, он ободрал их, лутошки (вероятно, в крупных пучках) перевязал лыками крест на крест и, привязав себя к этим пучкам, благополучно переплыл реку. Своим подвигом Ожмег очень гордился, повидомому. По крайней мере, он стал звать себя Пупья, от пуппы – лутошка. Он очень выгодно женился, поселился в Шарканской волости, был во всем удачлив^а. И повелся от него род, который придал своему воршуду имя Пупья.

Этот то рассказ дал, без сомнения, г. Смирнову повод высказаться категорически в смысле перенесения родового

7v

названия на „духа-покровителя”. (Я читаю это тем более возможным, что г. В-н прямо объясняет (81, II): „Пупья-Воршуд значит Воршуд племени Пупьи, т. е. Ожмега)^б. Однако, есть возможность иного, более правильного, по моему суждению, взгляда. Гаврилов делает скромное и отвергнутое (г. Верещагин, Смирнов) предположение (16)^в „Можно полагать, что они (воршуды) получили свои имена от счастливых по понятию вотяков женщин. Даже можно думать, что под видом воршудов прежние вотяки молились этим когда то бывшим счастливим женщинам, предполагая, что если оне сами могли заслужить счастье, то и других могут осчастливить.”

В этих строках находится намек на одно явление, вполне возможное и не только и вотяков^д, именно: обоготворение (памяти) родоначальника. Я укажу на буддизм, как на религиозную систему, фаворизиющую^е этому явлению. Припомним прекрасный силуэт „гыгена” – сына Цайдамского князя у Пржевальского. Гыген – заживо святой человек. Для него не надобно было иметь особенные личные качества: знатное происхождение (у монголов), богатство, удачи в жизни – вот и все что нужно для гыгена. Такое явление, может быть, не чуждо и вотякам. Керемети – безобразные явления того же порядка. Притом, так как вотяки, объединенные одним воршудом, в то же время кровные родственники между собой, то является возможность связать до мысль Гаврилова с одним обычным представлением о воршудах. „Воршуд,

^а javítva ebből: удачным

^б а 7v oldal felső szélén a hivatkozás utólag tollal beszúrva, annak megjelölése nélkül, hogy hova szánja betenni a szerző

^в téves hivatkozás, helyesen a 161. oldalon

^д javítva ceruzával ebből: в полукультурном вотьяк

^е előtte tollal áthúzva: наиболее

говорит Первухин: значит родовое божество (лар древних Римлян), у каждого рода носящее родовое название чрез прибавление к общему понятию „Воршуд” имени родоначальника или (едва ли не скорее) родоначальницы (I. 18.).

Сопоставляя оба соображения, получим

8г

следующее: *Воршудное имя есть имя или прозвище, вернее, второе^a, родоначальника или родоначальницы, заслуживших особенный почет и уважение и поэтому давших повод к прославлению себя в своем прямом потомстве.*

Замечательный вышеприведенный рассказ, кажется, доньне единственный, который дает^b возможность разобраться в столь темном вопросе, как названия воршудов. Отсюда мы можем заключить, во первых, что воршудное имя не есть непременно имя, а может быть и прозвищем родоначальника, во вторых, отсюда ясно эмблематическое его значение и, в третьих, дается первое объяснение воршудного имени и при том из вотского языка.

Здесь мы видим основу для установления верного взгляда на лексическое^c значение воршудных имен. Не имея никакой надежды^d объяснить их все, укажем на возможность^e этого^f для некоторых. Г. Смирном, прочем, давно уже сделал удачное применение пермяцкого языка и объяснил из него некоторые из воршудных имен: Бадья – от *бадь* – ива и пр., но он же говорит, что они, вообще^g за ничтожными исключениями не объясняются из вотского языка и принадлежат чуди^h. Из общих толкований значения воршудных имен мне известно только приводимое г. П-м мнение священника Утробина, что „воршудные имена суть ничто иное, как названия разных укромных уголков или просто предметов, в которые (?) первоначально укрывался родовой талисман” (51). Впрочем, он не мог объяснить (даже и примерно) ни одного названия и, по мнению г. Первухина, основал свое объяснение на неправильном понимании термина воршуд, как „скрытое счастье”. Ни г. Первухин, ни Верещагин, и никто из

8v

известных мне писателей по этому вопросу, до г. Смирнова^f, определенного мнения^f не высказывали. Гаврилов даже прямо заявляет: (161) „Отсюда происходят эти названия воршудов, и имели ли эти слова когда нибудь значение в язык вотяков – неизвестно.”

Приступая к посильному объяснению, перечислю воршудные имена, составив им наиболее полный список, по списку Первухина, трудам Богаевского, Верещагина и своим собственным.

^a utólag tollal beszúrva: или прозвище, вернее, второе,

^b javítva ebből: факт, дающий

^c a szó utólag tollal beszúrva

^d kihúzza tollal az utána következő két zárójeles szó: (и достаточных сведений)

^e előtte tollal kihúzza: такую

^f utólag tollal beszúrva

^g utólag ceruzával beszúrva

^h utólag tollal beszúrva: и принадлежат чуди

Список воршудных имен

Апя, – Бигра, – Бия, – Бобья, – Бодья, – Бола, – Боня, – Вамья, – Ворча, – Вэнья, – Джикья (Жикья), – Джумья (Дзюмья, Юмья), – Дзятца (Дзязя, Зятця, Зятча, Ятчи), – Докья, – Дурга, – Егра (Эгра, Игра), – Имьес, – Какся, – Квака, – Кварса, – Кибья, – Копка, – Котья, – Кушья, – Лекма, – Лоза, – Маля, – Монья (Мэнья), – Можга, – Норья (Нырья), – Омга, – Пельга, – Поска, – Поколь, – Пудга, – Пупья, – Пурга (Порга), – Пыбья (Пэбья), – Пэшья (Пышья), – Салья (Саля), – Санья (Сэнья), – Селта, – Сурма (Шурма), – Сюра, – Табья, – Ташья, – Тукля, – Турья, – Удья, – Узя, – Уля, – Урга, – Утча, – Чабья, – Чага, – Чипья (Ципья), – Чола (Цола), – Чудна, – Чудья, – Чумья, – Чунча, – Чура, – Чуйя, – Шудзя, – Эбга, – Юбера, – Юра, – Юсь, – Якшур.

При обзоре приведенных названий бросается в глаза общее у^а большинства: окончание а или я, составляющее как будто какой особый^б то специальный^в суффикс. Исключение составляют имена: Имьес, Поколь, Юсь и Якшур. Относительно последних заметим, однако, что три из них встречаются только у одного г. Богаевского (последние три), исследовавшего южную часть Сарапульского уезда, Имьес – у г. Верещагина и Богаевского, тоже где и первые. Между тем, ни в

9г

Глазовском, ни в Слободском, ни в Малмыжском уездах подобных имен нет. Признавая, однако, возможным появление их у южных ветвей вотяков, обращаемся к главной массе имен, которые все 1) оканчиваются на буквы а и я, 2) имеют и фонетическое над ними ударение (ср. Первухина, I. 40.).^д

Предоставляю знатокам финских наречий судить о моей догадке, но я считаю эти звуки а и я^е несомненно суффиксами 1) притяжательного значения и 2) значения богатства, изобилия какогонибудь свойства. Пример уяснить мою мысль: „Когда случается, объяснял мне вотяк из Понинской волости, – что мы у себя в деревне на сходе поспорим изза чегонибудь, да если на одной стороне русские, а на другой вотяки, то если бы кто из вотяков пристал бы к русским, мы говорим: он русский – „дз(ж)юч(с)ья“, а когда бы русский^г тянул напу сторону, так он „удмуртча“. Далее мне пришлось узнать, что если бы дело шло относительно татар, так сказано было бы „бигерья“, черемис – „черемистья“. Отсюда является очень основательный метод отыскивания корней в воршудных именах чрез отсечение суффиксов и флексий г, ч, с^е, и в результате является целый ряд знакомых вотских слов. Разделяя по^а значению, я нахожу следующие группы:

^а alauta áthúzva: свойство

^б eredeti szórend: особый какой а szavak felett számozással jelezve a végleges szórend

^в utólag tollal beszúrva

^д a zárójeles rész utólag tollal beszúrva

^е utólag tollal beszúrva: а и я

^г eredeti szórend: русский бы, а szavak számozással jelezve a végleges szórend

^е utólag tollal beszúrva: и флексий г, ч, с

^а kihúzza előtte tollal: их

I. Непросредственно означающие то или другое в вотском языке:

Дзятца, дзеся (?) = ворота (по Сарапульскому говору)^h (в объяснении не уверен).

Квака = ворона, Коака = ворота (по Глазовскому говору)^h.

(Сюда отнесем Юсь = лебедь)^h

II. Объяснимые отсечения суффикса:

Бодья – от *бодь* – ива; Кварса = кварча, от *куар* – лист; Норья (Нырья) от *ныр* = нос; Пель'га от *пель* = ухо; Пуд'га от *Пуд* =^b скот, Пышья, б. м. от *пыш*, слово значение которого – конопля, конопляное семя.

Ворча, от *ворд* корень означающий хранит беречь, рождать (?). Кушья, от *куш* – росчисти поляна. Ом'га, от *ом* = рот. Котья, от *коть* = брюхо. Дурга, от *дор* = край, берег.^c

9v

Пупп'ья от Пуппы – лутошки; Тук'ля, от *тук* = хмель; Тур'ья от тури = журавль; – Ур'га от *Ур* = белка; Чабъ'я от Чабэй – пшеница; Шудзя, есть корень *шуд* = счастье, но, б. м. это слово принадлежит к III. группе^d. Юбер'а от юбер = скворец.

Уля от *ул* = сук или *ул* = низ. Чипья от *чипей* = щука^e.

III. С названиями народностей в корне: Бигр-а, Егр-а (Игр-а, Эгр-а), Пур-га, Удь-я. В первом я нахожу архаическую форму, вместо бигерья, от бигер–татарин, во втором корен Егр = русскому Югр, т. е. Югра (ср. Иогра, по пермяцки вогул)^f, в третьем Пур, т. е. Пор – по вотски черемисин, в четвертом, наконец, собственное имя воти – Уд. Не трудно заметить, что болгаре, югра и черемисы должны бить древними соседями воти.

^gЯ не теряю надежды, что филолог с сведениями в языках сумеет дать смысл и объяснить из вотского языка и все остальных воршудных имена.

Воршудное имя, с символическим значением, перенесенное обычаем на женскую половину рода (оно, впрочем, применяется и к мужчинам, но не в качестве личных имен)^h, служить личным указателем для него. Но есть и другой *атрибут рода*ⁱ, до последнего времени столь же постоянный и в известных случаях не менее важный, – это *родовой знак собственности, по русски „знамя, пятно, резы“, по вотски „пус“*.

О знаке собственности личном, носящем большею частью, татарское название „тамги“, как о предмете общеизвестном, излишне было бы говорить,

^b a mondat vége innen utólag a lapalji utolsó két sorként tollal besúrva

^c a bekezdés utólag tollal besúrva az oldal jobb szélén, a II. pont mellé

^d a szótol tollal utólag besúrva

^e a bekezdés utólag tollal besúrva az oldal bal szélén, az első bekezdés mellé

^f a zárójeles rész utólag tollal besúrva

^g a bekezdés előtt, a jobb margón: N 4 és egy vonás a két bekezdés közé húzva. Valószínűleg egy negyedik csoportot akart később ide beírni.

^h a zárójeles rész utólag tollal besúrva

ⁱ utólag ceruzával aláhúzva

почему я позволю себе обратиться непосредственно к мало известным родовым знакам собственности, насколько мне удалось изучить их у вотяков.

Решение вопроса о родовых „знаменах”, „бортных пятнах” или „подэм пус’ах” вотяков тесно связано с выяснением понятия о родах, на которые расчленятся

10r

в племя. Имеются два определения вотских родов, которые видны уже из вышеизложенного. Одно принадлежит свщ. Блинову – первому из местных исследователей воти, который указал на самое существование родов и также родовых знаков. По этому определению род есть совокупность кровных родственников по мужскому колену. За это понимание рода высказывается большинство самостоятельных исследователей воти. Другое определение рода дано г. Первухиным, приведенное и разобранное^a выше.

Установив положение, что „древнейшая форма вотского рода есть материнет”, г. Первухин попробовал применить это начало к исследованию вопроса о родовой тамге и пришел к заключению, что *родовая тамга никогда не существовала и не существует*. Заключение это очень курьезно: в одно и то же^b время оно и совершенно справедливо и вовсе не верно. Дело в том, что исследователь имел в виду только *род эсенский*, по материнству, по его выражению „воршуд”, и по отношению к нему не ошибся; однако, допуская принадлежность родового названия только „воршудам”, яснее – воршудным родам, он остался в неведении относительно принадлежности этих названий и родам по мужскому колену, а вместе с тем отвергнул родовые знаки собственности вообще, признавая, впрочем существование одной основы знака у членов одной и той же *фамилии* и передачу этой основы по мужскому колену. Таким образом г. Первухин не сделал следующего очень любопытного вывода, на который имел полное право. – *Подэм пус есть изобретение того времени*,

10v

когда вотская семья пережила первобытное состояние, ту эпоху, когда существовало начало материнства. До того времени в семейном быте воти не было начал собственности, или по крайней мере крупная собственность (борти, скирды, поля) женщине никогда не принадлежали. Но очень настолько увлекая своим мнением, что приписал и другим авторам то же понимание рода I. 41.

Разделяя мнение не г. Первухина, а о. Блинова и других и поставленный в необходимость опровергать исследователя, своими трудами по изучению вотяков приобретшего заслуженную известность, я должен дать точное понятие о своем материале, изучение которого привело меня к противоположному выводу, и о способе его собирания и сопоставить с методом и материалом г. Первухина.

В качестве регистратора земской подворной переписи я имел возможность лично побывать во многих вотских селениях Глазовского и Сарапульского уездов, почему и мог ознакомиться с значительным числом их

^a javítva cbból: приведенного и разобранного

^b a szavak különírás utólag jelölve

родов^а. Приступив к изучению знаков собственности, я прежде всего волей-неволей проверил показание г. П-на о воршудных родах. Так как действительность оказалась совершенно не соответствующей представлению о ней почтенного исследователя, то пришлось руководствоваться собственными соображениями. Понятие о роде, которое я составил по личным наблюдениям следующее^б, вполне совпадает с его определением, данным г. Богаевским, статья которого, впрочем, мне в то время не была известна, а именно: вотский род есть совокупность кровных родственников^с по мужскому колену, причем в очень отдаленных степенях родства он представляется

10г

союзам, по выражению г. Богаевского, духовным, связующим началом в котором служит почитание одного и того же родового божества, имя которого тождественно с названием рода^д. Исходя из этого положения, в каждом исследуемом селении я узнавал, какие домохозяева принадлежат к одному, какие к другому роду, – если таковых было несколько, и затем узнавал, какой у кого „подэм пус“. Могло случиться, что в одном роде оказывались разные основы подэм пусов; эти случаи тогда же выяснялись. После того я спрашивал, какой знак в известной группе следует считать коренным? Вотяки это отлично понимали и всегда определенно указывали. Наконец, оставалось отметить, в какой родственной связи к обладателю коренного знака стоят имеющие измененные, и тогда у меня составлялись ряды *геральдических знаков* с параллельно идущими *генеалогическими*. Таким образом, рядом выяснением родовой основы шло выяснение тех изменений, какая она претерпевает при переходе от отца к сыновьям проч.

При этих условиях записано мной более 500 подэм пусов^е, причем в некоторых селениях я брал знаки собственности у всех без исключения домохозяев, а в большинстве довольствовался только выяснением родовой основы и определением ее главных вариаций.^ф

Г. Первухин поступил совершенно иначе: „Мы просили, пишет он: о. о. законо-учителей и учителей народных училищ (в которых обучался хоть 1 вотяк) представить нам именные списки всех мальчиков и девочек из вотяков, находящихся в школе, обозначив против каж-

11v

даго родовое имя (Воршуд) матери.”^а Все приводимые им примеры подэм пусов снабжены оговорками „принадлежит ученику такого то училища” – следовательно, нельзя сомневаться в том, что школьные списки, не смотря на молчание об этом г. П-на, дополнены были еще изображениями подэм пусов каждого или только некоторых учеников. Таким образом собрано было до 500 тамг. „При сопоставлении их с^г воршудами *матерей* (т. е. матерей учеников)

^а a bekezdés elejétől idáig ceruzával zárójelbe téve

^б utólag ceruzával beszűrva

^с a két szó eredeti sorrendje fordított, a szavak feletti számmal tollal utólag jelölve végleges sorrendjük

^д a kettősponttól eddig utólag ceruzával aláhúzva

^е a bekezdés eddig utólag ceruzával aláhúzva

^ф a bekezdés utólag ceruzával zárójelbe téve

^г utólag tollal beszűrva

оказалось, что тамги одного и того же воршуда весьма разнообразны и даже нисколько не сходны между собою” и пр.

Укажем, что если бы даже основание разыскания г. П-на – „воршуд” и было неоспоримо, то самый материал никуда не годился. По теории г. П-на воршудное имя и тамга должны принадлежать „*основательнице семьи*”, между тем может случиться (его же слова), что в семье *не будет ни одной женщины, носящей имя воршуда*. Вывод, какой можно сделать отсюда, дополним еще указанием на то, что „матери” учеников должны быть в немалой части не жены хозяев, а жены неотделенных младших членов семьи, так что г. П-ну преподносились не только „разные тамги от одного воршуда”, но и *одинаковые от разных воршудов*: последнее необходимо должно было случиться у живущих в одной семье, нпр. двоюродных братьев, дяди и племянника, сводных братьев и пр.

Сказанное оправдывает нашу решимость не возвращаться более к теории г. П-на и его материалу.^b

Вотские подэм пусы (иначе, по говору бесермен, *понэм пус* или *пас*) составляются пред-
12v

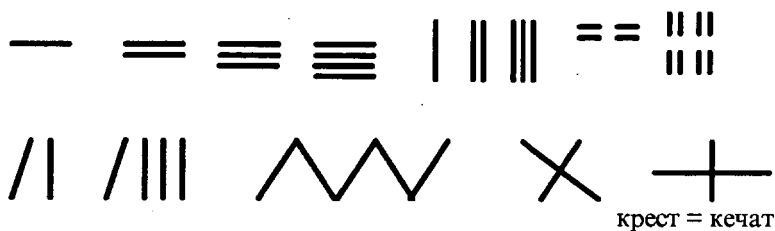
почтительно из прямых линий и между ними легко различить два разряда: одни состоят из простых, случайных сочетаний линии, другие – идеограммы.^c Так, очень употребительный знак X – крест^d или аналогичный с ним + не идеограммы уже потому, что встречаются у инородцев язычников и имеют особое название (по вотски – *кечат*). Простые знаки – это одиночные или по две, по три насеченные параллельные и неспараллельные линии. Вообще из параллельных линий можно составить следующие простейшие сочетания: 1) систему параллельных линий, 2) угол, замкнутый или незамкнутый, в четырех положениях, 3) ломанную или смешанную линию, 4) параллелограмм, 5) крест. Из этих основных составляются все вообще знаки. Главнейшие виды знаков, как простые, так и те, которые самими вотяками признаются за изображения разных предметов и имеют соответствующие названия, собраны мной в следующей таблице.

I. Простые знаки

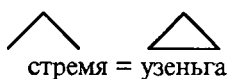
^b az előző bekezdés По теории szavától kezdve idáig utólag ceruzával zárójelbe téve

^c a bekezdés eddig utólag ceruzával aláhúzva

^d utólag tollal beszúrva

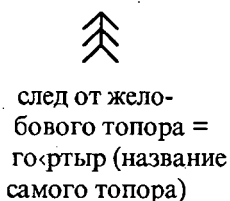

II. Изобразительные знаки

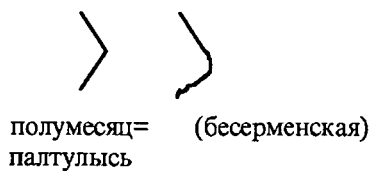
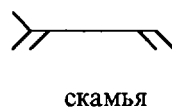
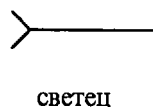
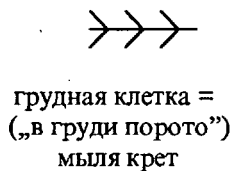
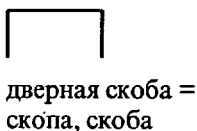

= курег кук

= ошом курег

12v

Резную границу между пусами простыми и изобразительными провести, однако, нельзя. Чисто от силы воображения зависит осмыслить знак особенно сложный, и в этом случае он получает название, помимо традиционного родового;^a но гораздо чаще бывает, что производный знак, до какой бы степени сложности он ни дошел, называется так же, как родовой, от которого он происходит, но с которым может иметь уже мало сходства. Так все вариации „тирнуллона” (см. далее) носят это название. Крест помещен мной в разряд простых знаков и для большинства случаев он таков; однако, род Пупья считает родовой свой знак косо поставленный (андреевский) крест за изображение связанной посредине пары лутошек, – что объясняется преданием об основателе рода (см. выше).

Если одно и то же^b название применяется к знакам малосхожим, то это показывает, что значение изобразительности в вотской геральдике не может сравниться с тем, какое придается родовой основе. Можно думать, что изобразительные знаки производные образовались путем более или менее случайным.^c По общим правилам изменении знаков, из какой нибудь основы на известной степени усложнения мог получиться изобразительный

13г
знак настолько ясный, что название являлось само собой, напрашивалось на язык.

Чтобы показать, насколько крепко держится за знаками название родовой тамги, приведем два-три примера из наиболее типичных. У рода Пурга основа знака – вилы, *саник*. Этот род один^d из самых многочисленных и живет большими селениями, так что отдельные пусы и, даже целые их ряды достигли большой сложности, нпр.

 или не приобретая особых названий. Знаки столь несхожие как и одинаково – кыксаник, *двое вил*. Только два знака

 и происходящие от основы санник, образовавшиеся, быть может, вследствие влияния соседства рода Бони, носят название „тирнуллон” – натопорник, однако, с прибавками: *уллань* тирнуллон в первом случае и *выллань* тирнуллон во втором. Прибавки означают: низ похож на тирнуллон (нижний тирнуллон) или верх похож на т-н (верхний т-н). За родовой знак

Чабы следует признавать *стрема* .

И вот, не только знаки вроде или , носят это название, но и такие, как

 или , – на стронний глаз имеющие все права считаться изображающими могилы (Первухин, стр.), и такие которые по особым случайностям изменений, утратили даже существенным части основной

^a a bekezdés eddig utólag ceruzával aláhúzza

^b a szavak különírása utólag tollal jelezve

^c a mondat utólag ceruzával aláhúzza

^d előtte áthúzza: самый

идеограммы, нпр. \wedge или λ , λ . Хорошим примером может послужить еще знак рода Ворчи. Полное его начертание – три линии, расходящаяся из одной точки: \wedge но и знак из двух черт, по утрате средней, если он произошел от родовой основы, – для обладателей всетаки *куриная нога* – курек кук, а не что-нибудь иное, с чем он имеет более сход-

13v

ства, нпр. вилы.

Обращаясь к рассмотрению родовых знаков, перечислим все, какие нам удалось найти или определить. Некоторые из них вполне достоверны, другие определены по небольшому числу пусов и вполне поручиться за определение нельзя.

Род Апя имеет родовой знак в виде ромба \diamond , называемый мумы-пус или просто апьяпус – Род Бодья \diamond ромб с удлинненными сторонами нижнего узла. – Бонья – тирнуллон (буквально – топор носи), натопорник \lrcorner . – Ворча – куриную ногу, курек кук \wedge . – Вэнья – крест кечат – \times или \times . – Дакья \vee ? – Дзедзя ∇ . – Дзюмья (Юмья, Джумья) \searrow тирнуллон или \swarrow . – Дурга крест \times . – Эгра вилы, саник $<$. – Кушья \vee ? – Мэнья $>$. – Пуппья \times . – Пурга \wedge \vee вилы. – Ташья \wedge . – Удья $>$. – Чабья стремя \triangle . – Чуйя $>$. – Чола лутовки \downarrow . – Всего приходится 19 знаков, что, конечно, немного, так как число родов доходит до 70, но не надо забывать, что мои работы в этом направлении делались всетаки мимоходом, сведения носят характер случайных.^a

Однако, и на этом немногочисленном материале можно подметить одно коренное свойство родовых знаков – их простоту. Вил, куриная (вообще птичья) нога, косой крест – вот любимые мотивы изобретателей. Едва ли удастся доказать, что при этом руководили последними каки-либо иные соображения, кроме заключающихся в словах „две-три зарубки, и знак готов...” Быть может, психологической основой этого факта следует считать бедность и леность воображения, но он находит много оправданий и во внешних условиях, каковы: цель самых знаков, материала, на котором их наносили, и орудия, употребляемые при этом. Первое из указанных условий

14r

цель нанесения – означение принадлежности предмета тому, кто делает на нем знак какого бы ни было начертания, устраняло необходимость эмблематичности знака. Благодаря патриархально простым и честным взаимным отношениям вотяков, лицу, наложившему знак на предмет, нечего было опасаться за его целостность всякий другой вотьяк, отыскивавший подобные предметы, нпр. борты, завладевал только никому не принадлежащими, на которых не было знаков. Обычай охранял, одинаково собственность сильных и слабых, которые одинаково обезличивались употреблением родового знака

^a a két utóbbi bekezdés utólag ceruzával zárójelbe téve

собственности. Находясь в условиях зверолова, рыбака, пчельника, – чего, конечно, вотяки не избежали, – и даже перейдя к грубому земледельческому быту, вотяки постоянно имели дело при нанесении пусов с материалом твердым и хрупким: прежде и чаще всего с деревом, потом костью, рогом и только в виде исключения с воском. На этих материалах возникли их пусы и развилась вся их геральдика.

Главнейший материал – дерево позволяет делать только широкие и прямолинейные зарубки. Явственность пусов была особенно необходима тогда, когда они наносились на живое дерево, напр. бортевое, иначе современем могли заплыть и изгладиться. Нет сомнения, что главнымшим образом для бортей и употреблялись пусы. Об этом свидетельствует самое название их – подэм пус, бортное пятно, – название частного вида пусов, сделавшееся выражением общего понятия, хотя на последнее кажется могло бы иметь большее право другое видовое название, именно: „гужем пус”^a – полевой знак^b, нарезаемый

14v

на колышках, втыкаемых по разделе поля каждым домохозяином у своей полосы. Последние, гужем пусы, появились, конечно, позже подэм пусов и поэтому к ним применялись правила нарезки, выработанные на первых. Явственность нарезки, т. е. ее глубина и ширина достигались сильными ударами топора. Уже одно участие этого инструмента объясняет нам, почему стариннейшие пусы, каковыми являют ее родовые основы, так *просты* и состоят из *прямых линий*^c. Можно добавить к этому еще одно замечание: если у пуса сходились в угол черты, то он (угол) не мог быть малоотверстым, так как в этом случае легко мог происходить сколок.

Нанесение знаков производится с соблюдением следующих правил. Прежде всего воспроизводится родовая основа (иногда на в полном виде, а только в той части, которая входит в состав знака), а затем уже прибавочные нарезки в известной последовательности.^d Это делается до того, чтобы не сбиться в счете и порядке прибавочных черт. В каждом знаке различается верх (выл иль) и низ (дынь), иначе вершина и комель, также правая и левая стороны (бурпалань и палань). В некоторых случаях различаются еще в пусах осевые или корневые черты (модос) и по сторонам их правое и левое крыло (бурд), как в пусах рода Чола и, кажется, Чуйя. Полный знак первого √ производные

имеют фигуру по большей части такую причем прибавочные черты излечивы в количестве и длине; сторона a левое, b правое крыло, линия vv корневая.

^a a kezdő idézőjel hiányzik

^b a подэм нус szavaktól idáig utólag ceruzával aláhúzva

^c a стариннейшие szótól eddig ceruzával utólag aláhúzva

^d a mondat utólag ceruzával aláhúzva

Ограничиваясь этими немногочисленными замечаниями относительно родовых пусов вообще, перейдем к изучению тех правил, какими обуславливается на практике изме-

15v

нение родового пуса при передаче его в кругу одной семьи и затем рода. Сначала вычесним те средства и способы, при помощи которых совершаются эти изменения.

Обычный способ видоизменять особно́й пус состоит в прибавлении чека (чек) – черты, пересекающей одну из черт первого, удлиняющей её или лежащей особняком^a. Так, в пусах рода Бодья (д. Бодья и с. Якшур Бодья

Сарап. у.) при основе имеет   . Чек может быть прибавлено при основе число произвольное, однако, оно бывает всегда по возможности минимальным. Часть чрез последовательное прибавление чексов является пус в

виде двойной, тройной фигуры основы, нпр. из , из . Многочисленные примеры производных знаков приведены далее, почему здесь мы ограничимся только этими указаниями на роль чексов. Вследствие постепенного нарастания числа пусов члены рода прилагали всю изобретательность для придумывания новых и поэтому явились такие комбинации основы и чексов, как нпр. у рода Пурги (см. далее), что только знающий вотьак может находить „единство” в этом „разнообразии”.^a По положению своему относительно основы чеки различаются – верхние, нижние, правые, левые.

Кроме чексов употребляются еще „крючки” – *кунгрок*, „крестики” – *кечат*, точки – *бишкэлтэм* и более сложные фигуры из^b черточек. Не упоминая о точке, всю эти значки или непосредственно примыкают к чертам знака, или располагаются поодаль. Так, крючек прибавлен к углу знака (род Дзезя), помещен отдельно (род Дурга), (род Дакъя); крестик, как неотдельную, слившуюся с друдими, часть знака, можно наблюдать у пусов: (Дзезя), (Чабья), (Бонья), Дакъя; отдельно

15r

нарезывается он чаще всего внутри основных фигур, нпр.   (Бодья), (Бонья), (Пурга).

Из других прибавок укажем на ломанную линию – (см. пусы рода Егра), сочетание прямой линии с двумя и более к ней вертикальными более короткими: (пусы рода Пупья и особенно Пурга; последние из дер. Кайсогурта Сосновской в. Сар. у.).

^a a mondat utólag ceruzával zárójelbe téve

^b utólag tollal beszúrva

Употребление точки ясно из следующих примеров: ✕, ✕ ∇ (Ворча в. поч. Урсо Сосновской вол. Сар. у.).

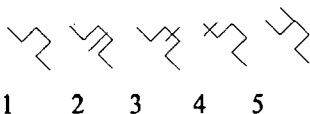
Подэм пус есть принадлежность дома, а не отдельного лица, поэтому в каждом селении их столько, сколько и отдельных, самостоятельных хозяйств.^a Впрочем, бывают случаи, когда неотделенные члены семьи, т. е., конечно, сыновья: женщины пусов не употребляют, – приобретают особенные пусы, ставят их на некоторых, лично им принадлежащих предметах, но это не более, как исключения, на имущество хозяйств они не наносятся до отдела владельца. Только по современном отделении от отца или родственника, новое хозяйство, приобрета самостоятельный инвентар, оказывается в необходимости отмечать его и особым пусом.^b

При изобретении последнего в настоящее время могут действовать два начала одноличный произвол, когда новый хозяин берет себе пус по личному усмотрению, – такие случаи все более и более учащаются, – и древнее родовое начало, заставляющее держаться не только общей родовой основы, но и отцовского знака.

В последнем случае при выборе пуса руководствуются тем общим правилом, чтоб новый пус не походил на имеющиеся уже в том же селении. Если этого возможны

16г

избежат, то обыкновенно пус первого из отделившихся сыновей отличается от отцовского только одним чеком, второго двумя и т. д., если пус первоначальный сам по себе довольно прост^c, – в противном же случае довольствуются 1) одним чеком, располагая его иным образом, 2) столь же часто – упрощением первого знака чрез отбрасывание чека или нескольких. Так старейший из следующего ряда родственных пусов рода^d Пурга: – I^h

принадлежал дяде NN2 и 3; по отделении от дяди племянники в пусе прибавили по одному чеку, но у одного чек пересекает черту основного знака, у другого только касается ея. 4 и 5^h пусы принадлежат: отделенному сыну N I^{го} – N 4^h и внуку N 5^h. В этих примерах, за исключением старейшчаго знака, все пусы имеют одинаковое число резов. Иным образом изменения происходили у приводимых ниже знаков. Из обозрения как этих знаков, так и помещенных далее, в описаниях пусов отдельных родов, видно, что какому либо общему правилу подчинить каждый частный случай невозможно.

В роде Дзюмья (пч. Исаковский Кестымской в. Глазовского уезда) – пус основной семьи в одном случае – стремя с двумя чеками по сторонам,

^a a mondat utólag ceruzával aláhúзва és zárójelbe téve

^b a mondat utólag ceruzával aláhúзва

^c az eredetiben valószínűleg a másoló hibájából: прдсть

^d a bekezdés eddig utólag ceruzával aláhúзва

у отделившихся же от нея имеются: и . Основной пус деда^а из рода Ворча (пч. Мукши Сосновской в. Сарап. у.) – обращенный кверху „курег кук” у отделенных внуков принял формы и . В том же роде (и том же селении) трое племянников, отделенные от дяди, имеющего старинный пус , приняли следующие пусы: 1) 2) 3) . Если в первом из 16v

наших примеров (род Дзюмья) проглядывает в изменении пусов одно общее начало – возможное упрощение знака, так что вместо 5 нарезок приходится делать только 3 и 2, то этого никак нельзя предположить в прочих случаях. Действительно, так мы находим знаки 5-зарубочные вместо основного 3-зарубочного, но также и пус в 2 зарубки.

Чистый пример усложнения пусов представляют следующие случаи:^а у трех братьев из рода Ворча (д. Мувыр Сосновской волости Сарап. у.) имеются знаки , , , из них старинный, дедовской – первый, а другие позднейшие. Подобный пример, замечательный тем, что при усложнении знака потерпела изменение основная, повидимому, фигура, находит у рода Пурга. Дедовский пус , а внуков – родных братьев и (пч. Тубоншур Соснов. в. Сар. у.). В том же роде Пурга (д. Нижнее Карякино той же волости^б) нашел я у двух братьев пусы весьма сложные: и , подобные, впрочем, тем, какие имеют ее вообще в этой деревне, отличающейся сложностью пусов; у третьего же брата оказался пус недавнего происхождения. Владелец объяснил, что взял его по причине затруднительности нарубать 5 и 6 зарубочный знак. Еще чаще к упрощению пусов прибегают выселенцы на новые места.

Вообще, можно сказать, что в пределах каждой семьи изменения пуса обусловлены: 1) степенью сложности основного: если он сложен в 5–6 зарубок, то можно ожидать упрощения; 2) требованием, чтобы знак не походил на соседские, той же деревни; 3) отчасти порядком отделения: первый из отделившихся членов семьи обыкновенно наименее упрощает или усложняет свой пус; 4) на выбор начертания сильно влияет присутствие в селении других родов, в осо- 17v

бенности если знаки последних имеют очень своеобразную фигуру. В этом случае родовое начало вступает в соперничество с началом, так сказать, односеленчества, но может быть здесь влияет и просто безотчетное подражание.

Выше мы указали основы родовых знаков, поскольку могли их выяснить, теперь же коснемся видоизменений этих основ в пределах рода. Но так как вообще причины, руководившие избранием того или другого знака в тех случаях, когда дело касается разных селений, – очень трудно выяснить, то и

^а utólag tollal beszúrva

^а előtte tollal áthúzva: пусы

^б utána tollal áthúzva: и узда

считаем за лучшее сделать только простое сопоставление возможно большего числа пусов главнейших из родов, о которых имеем наиболее полные сведения.

1. Род Апя исследован мной в селениях:

- д. Бадьярова Сосновской в. Сарап. у. пус N 1 и 2;
- д. Кожыл Кестымский в. Глазовского у. NN 8, 9, 10;
- д. Вишур Пурга Шарканской в. Сарап. у. NN 6^a;
- д. Табань Сосновской в. NN 3–5.

2. Род Бонья встречается и в Глазовском у.; но большею частью исследован мной в Сосновской волости Сарапульского уезда. NN 1–40 взяты мной с подлинного приговора общества села Сосновки. Можно видеть, насколько прочно устояли в видоизменениях основные фигуры знака – наторник. В числе пусов есть такие, что требуют 7, 8 и даже 11 зарубок (N 32). В этом селении знак дошел до крайней степени сличности и его уже требуется изменить (NN 35 и 40). NN 41–47 помещены и в числе предыдущих, но выделены для указания родственных отношений. Здесь дедовский старинный пус N 41; два сына деда

17г

взяли: один N 43, другой дедовский (остался в том же доме). Их сыновья взяли: у N 43 – тот же (N 43), у N 41: тот же N 41, 42, 44, 45; N 47 принадлежит троюродному брату последних. NN 48–53 пусы из деревни Мувыр'а Сосновской волости. 50 и 51 – пусы двоюродных братьев, из них первый дедовский, а второй более поздний; по счету зарубок они одинаковы. 52 и 53 пусы родственников той же степени родства; из них 52 пус старый, дедовский. N 54 Бонья из д. Идырон'а дедовский, а происшедшие от него не помещенные в таблиц и принадлежат ныне двоюродным братьям. NN 55 и 56 из пч. Куштоключ той же волости, принадлежат двоюродным братьям; дедовский пус . Из этих примеров видно насколько прочно сохранялись в среде родственников основы знака. Все вотяки перечисленных селений и многих других в Сосновской волости произошли из уничтожившихся селений Пышты и Бонья (ныне их пеплица зовут Пышты и Бонья – гучины)^b.

3. Род Ворча NN 1 по 45 – пусы всех домохозяев д. Малая Ожворча (Ожворца) Сосновской волости. В селении живет уже 5^e поколение, первоначально выселившихся из д. Большой Ожворчи той же волости. Только один двор имеется рода Пурга. Основной знак – курег кук – птичья нога пальцами вниз. Вследствие многочисленности домохозяев основа рода изменилась в некоторых пусах до неузнаваемости, как 14 и 15, 18–22 или 30 и 31. Пусы 46–51 принадлежат хозяевам из д. Кайсогурта той же волости. Оригинальный вид их произошел от подражания пусам рода Пурги в той же деревне. Нижняя часть знаков наносится первой, что и служит доказательством существования основы в виде курег кука , обращенного отверстием вверх. Старейший пус N 46, 50 и 51 позднейшие, двоюродных братьев, и все пусы

^a valószínűleg innen való a nem említett 7-es számú puszt is

^b a kéziratban hiányzik ez a zárójel

18v

принадлежат близким родственникам. NN 52–65 из д. Кесьшур Шарканской волости, где живут переселенцы из д. Ворцинской той же волости; впрочем, два пуса: 64 и 65, принадлежат переселенцам из д. Черный Ключ Светлянской волости. NN 66–68 из д. Мувыр Сосновской волости, все пусы – братьев, из них первый старинный, дедовский. NN 69–73 из пч. Урсо Сосновской волости, куда переселились жители д. Кыквы (ныне Выжой вож); из них 71 – дедовский, 72 сына деда, 73 – внука; 69 основной, 70 – позднейший. – NN 74 и 75 из дер. Корчумвай Шарканской волости. NN 76–81 из пч. Мукши Сосновской волости, куда переселились жители дд. Быги и Ляльшура. Все пусы принадлежат близкой родне. Основной, старинный N 76, N 81 брат первого, 79 и 80 его (брата) внуки, 77 и 78 племянники N 76.

4. Род Пурга. NN 1–46 пусы домохозяев деревни Нырошпура Сосновской волости. Здесь могу указать следующие родственники: NN 2, 3, 4, принадлежат племянникам N 1. N 5 – чужой в селении, новожила из д. Верх Тылоя. NN 15 и 16 принадлежат двоюродным братьям, тоже 29 и 30. 31 и 32 племянники 33. NN 47–60 принадлежат домохозяевам д. Кайсогурта. Первые 4 от близких родственников: 47 – дедовский, прочие внуков, 49–50 родных братьев. В этой семье замечательно упрощение у пусов новейших. NN 53–56 тоже из одной семьи, и старинный N 53, прочие позднейшие. 51 старинный, 52 поздний. Последние 5 пусов принадлежат 3 семьям, из них 3 близкой, 2 дальней родне; 59 дедовский, 60 позднейший. NN 61–64 из д. Мувыр. 61 и 62 принадлежат двоюродным братьям, из них 61 – дедовский; 63 и 64 тоже, дедовский здесь 63. NN 65 и 66 из д. Вишур Пурга Шарканской волости. NN 67 и 68 – из д. Тыловыл Шарканской волости, принадлежат

18r
родственникам, тоже 73–75. NN 76–79 пусы братьев из д. Береть Сосновской волости. 80–83, 95 и 96 пусы родственников, из них 80 и 83 родные братья; N 81 дядя отца N 80, и у NN 81 и 82 отцы – братья, N 95 – сын, 96 – внук N 81го. 84 и 85 родные братья, 86 – их дядя, 87 и 88 – бтаья. Прочие пусы разных домохозяев той же деревни.

5. Род Егра. 1–9 и 11 пусы дер. Пислеглуда Якшур Бодьинской волости Сарапульского уезда, 12 – родоначальный пус. – 13, 14 двух братьев из пч. Верх Сюерери. NN 10, 15–21 из пч. Силыгзил (Силодзил) той же волости; из них 15 и 16 двух братьев двоюродных, 17 – дяди, 18, 19, 20 – его племянников.

Вследствие неимения в литературе точных сведений по исследуемому вопросу, считаю не лишним привести и отрывочные данные по разным родам.

Бигра ⁴ д. Дзянкино (сомнителен); || Глазовского уезда Юмской волости.

Бодья,   родных братьев д. Бодьи Якшур Бодьинской волости.
 – родственников оттуда же.

Дактя , из д. Корчумвай Шарканской вол. и дер.
 Тыловыл той же волости.

Дзея Сарапульского уезда пч. Урдогурт, куда переселились с р. Кепа Глазовдкаго уезда: , – братьев. 1 , 2 , 3 , 4 , 5 –
 родственников оттуда же. 1 и 2 братья, 3 сын N 2го, 4 и 5 племянники 1 и 2,
 живущие отдельно.

Венья. С. Сосновка , ,

Джюмья. Д. Бадьярова Шарканской волости   . – Глазовского
 уезда пч. Исаковский
 19v

 – коренной,   – новыйшие, производные. Там же , у которого
 коренной , у в домов знак . Д. Кузьма Н. Укинской в. Глазовского уезда: 1
, 2 , 3 . 1–отец, 2 и 3 сыновья.^a

Дурга Глазовского уезда пч. Котеловский – дедовский, внука.
 и – дальние родственники. Д. Сепьчкар 1 , 2 , 3 – пусы „биче” из
 них 1 – дедовский д. Бол. Лудошур. – пус 6го колена от N 1. Поч. Безум
 Юмской волости .

Кушья. С. Сарапульского уезда, Сосновской в. пч. Тубоншур. 1 , 2
  . 1 и 2 не родственники, переселенцы из с. Польма (Гл. у.).
 Глазовского уезда, Н. Уканской в. д. Дзянкино

^d Какся^c Глазовского уезда д. Кильдеково

Ташья^c. Глазовского уезда Юмской в. пч. Кочукова пч.
 Байгушенки . Тукля того же у. Кестимской в. .

^a a mondat utólag tollal beszúrva

^b a két jel Szorokinnál is egyforma, talán elfelejtett egy vonást behúzni vagy elhagyni

^c eredetileg két sornyi hely kihagyva, ide utólag tollal beírva a bekezdés tartalma

^d áthúzáva: Монья

Удья.^c Гл. у. д. Пышкезь Юмской вол. 1.   2. 3. 4. 5. 6. 3
и 4 – бече, 6 – дядя 5го, его пус основной.

Чола.^c Сар. у. Шарканской в. д. Быги, с документа 30-х годов:

(Дополнения и пропуски)^a

N 1. К стр. 8 [= 5r], 2 строка снизу

Наконец, нет ни одного селения, в названии которого фигурировало бы родство по женной линии, между тем кои случаев второго рода много. В официальных, но гороздо чаще в неофициальных названиях, даже не записанных где-либо документах, встречаемся с такими выражениям вроде: Дзятца пиёс – буквально „сыны Дзятцы”^a

N 2. К стр. 11 [= 7v], 4 строка сверху

Проф. Смирнов сделал первый шаг к сообразному объяснению как происхождения воршудных имен, так и лексического их значения. Впрочем, относительно последнего он несомненно впал в ошибку. Допуская, что известная часть воршудных имен нечто иное как собственные мужские имена (нпр. Какся, Уча, Зезя (Дзезя), другая – женские (Эгра, Можга, Дыкъя, Пельга, Цола (Чола), он ставит гипотезу, что часть родовых имен произошла от названий рек, на которых поселились роды (39). Особенно вероятной он считает ее относительно имен Лекма и Сюрёма (Сюрма), хотя на это можно возразить, что по вотски река Лекма, приток Чепцы в Глазовском уезде, называется Ли(е)ко(у)м(-шур), что доказывается и существованием неофициального названия у дер. Усть Лекма – Ликумвож, – так что формы названия реки и воршудного имени не совпадают. Лучше бы согласиться Лоза – р. северной части Сарапульского уезда. По его гипотезе выходит, что чудь, занимавшая земли нынешних вотяков, дала свои названия урочищам и эти названия, как наследие, достались и заместителям чуди – вотякам. Нпр. река Лекма носит чудское

21r

название. Вотяк, поселившись на ней, стал по обычаю называть себя Лекма мурт, и это название перешел наконец к целому роду, и от рода сообщилось и его „духу покровителю”, [???]^b воршуда Лекма.

Так объясняет почтенный ученый возникновение воршудных имен. Очевидно, в этом случае вотякам вовсе не требовалось знать, что означает то или другое имя; они и не знают, да по мнению г. Смирнова, эти имена и необъясним из вотского языка: в них усматриваются остатки чудского. „Каковы бы ни были по своему значению *все* рассматриваемые имена, они имеют одну общую черту – они необъяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и вернее всего у чуди.” (39)

^b sajátkezű aláírással

^a innen kezdve 3 kéziraton, 5 oldalon (21v és 21r, 22v és 22r, 23v) a kéziratban tollal beszúrások tevő Szorokin írásával, a szöveghez utólag hozzátoldva

^b olvashatatlan szó

* Вот подлинныя выражения перваго автора этого замечания, Попова: – „Ташья, Пышья, Дзятца – придаточныя слова селения или некоторой его части, отчего сами жители называются до селе Пышья пьез, Дзятца пьез и т. д.” Вят. Губ. Вед. 1851 г. N 45.

Однако оказывается, что „приступив к ним с пермяцким словарем в руках” можно увидеть, что некоторые из них являются прилагательными, которые всего удобстве могут характеризовать реку: Бодья (Быдья) – Ивовая (от бадь, перм. ива) и Норья (Нырья) – Болтистая (от нор – ныр, перм. болото). Не буду возражать почтенному профессору, что в говоре ближайших к воти – згординских пермяков болото называется *Нуд* и не *нор*, но замечу следующее. Если бы приступить к тем же названиям с вотским словарем^а, то их можно было бы аналогично объяснить, но для этого необходимо было бы иметь понятие о значении суффикса свойственного им. Я обращаюсь к этому ниже. Что касается базыменного духа – по хранителя, принимающего затем имя рода, то надо полагать.

22v

№ 3. К стр. 15 [= 9v], строка 7 сверху.

Спешу оговориться. Некоторые названия вовсе не подводят под общий образец и имеют окончанием не специальный суффикс, т. е. неизменены, таковы: Квака, Дзедзя, Копка. Отделив их, можем расположить остальные названия и с ряда по окончаниям:

1. Окончание *я* простое

Бия, Боня, Маля, Тукля, Узя, Уля. Тукля может быть произведено и так: Тук–л–я.

2. Окончание *я* йотирование.

Апь-я, Бобь-я, Бодь-я и пр.^а. (Вамь-я, Вэнь-я, Джикь-я, Джумь-я, Докь-я, Кибь-я, Коть-я, Кушь-я, Мень-я, Норь-я, Пупь-я, Пыбь-я, Пэшь-я, Саль-я, Сэнь-я, Табь-я, Ташь-я, Турь-я, Удь-я, Чабь-я, Чипья-, Чудь-я, Чумь-я, Чуй-я (см. Шудзя)).

3. Окончание *а* с промежуточным звуком *г*

Дур-г-а, Мож-г-а, Ом-г-а и пр.^а (Пель-г-а, Пур-г-а, Пос(е)-к-а, Пуд-г-а, Ур-г-а, Ча-г-а, Эб-г-а).

4. Окончание *а* с промежуточным звуком *ч*.

Вор-ч-а, Ут-ч-а, Чун-ч-а

5. Тоже – *ц*.

Дзятца (вероятно, фонетический разность Дзезя).

6. Тоже – *с* и *я* с ним же.

Квар-с-а, Как-с-я

7. Окончание *а* без промежуточной согласной

Бигра, Бола, Эгра, Лекма, Лоза, Селта, Сурма, Сюра, Чола, Чудна, Чура, Юбера, Юра.

8. Имьесь, Поколь, Якшур, Юсь.

Мы видим, что 1/2 всего количества названий оканчивается

22r

^а utólag ceruzával beszúrva és utána zárójelbe téve

^а это уместно уже по сходству обоих языков

на я с промежуточным смягчением в вид йотации, согласных л, ч, с. Последние, т. е. ч и с в произношении легко смешиваются. У остальных названий окончание *а* или прямо приставленное к корню (Юбер'а от юбер – скворец), или при помощи тех же флексий с, ч. Что последнее, т. е. существование флексий, совершенно справедливо, доказывается обычной фразой: – Удмурт | ч | а ваен, диалектическая разность которой – удмуртъя ваен.

№ 4 К стр 16^й [= 9v] после 15 сверху.

Сюда присоединим имя Шудзя (б. м. и Чудъя), которое может быть произносило и Шудъя, вследствие того, что йотированный звук в легко облекается сочетанием дз(юмъя = дзюмъя). Разлагая слово, как указано выше, найдем корень *шуд* слово, которым вотяки называли ту народность, что называют *чудь*. В д. Бадьярово Шарканской вол. Сарапульского уезда есть кладбище Шудзя–шай. По распросе я узнал, что где похоронены люди, жившие до вотяков, но отнюдь не из вотскаго рода Шудзя. В русских селениях этой местности говорят о „чужах”, „чудаках”.

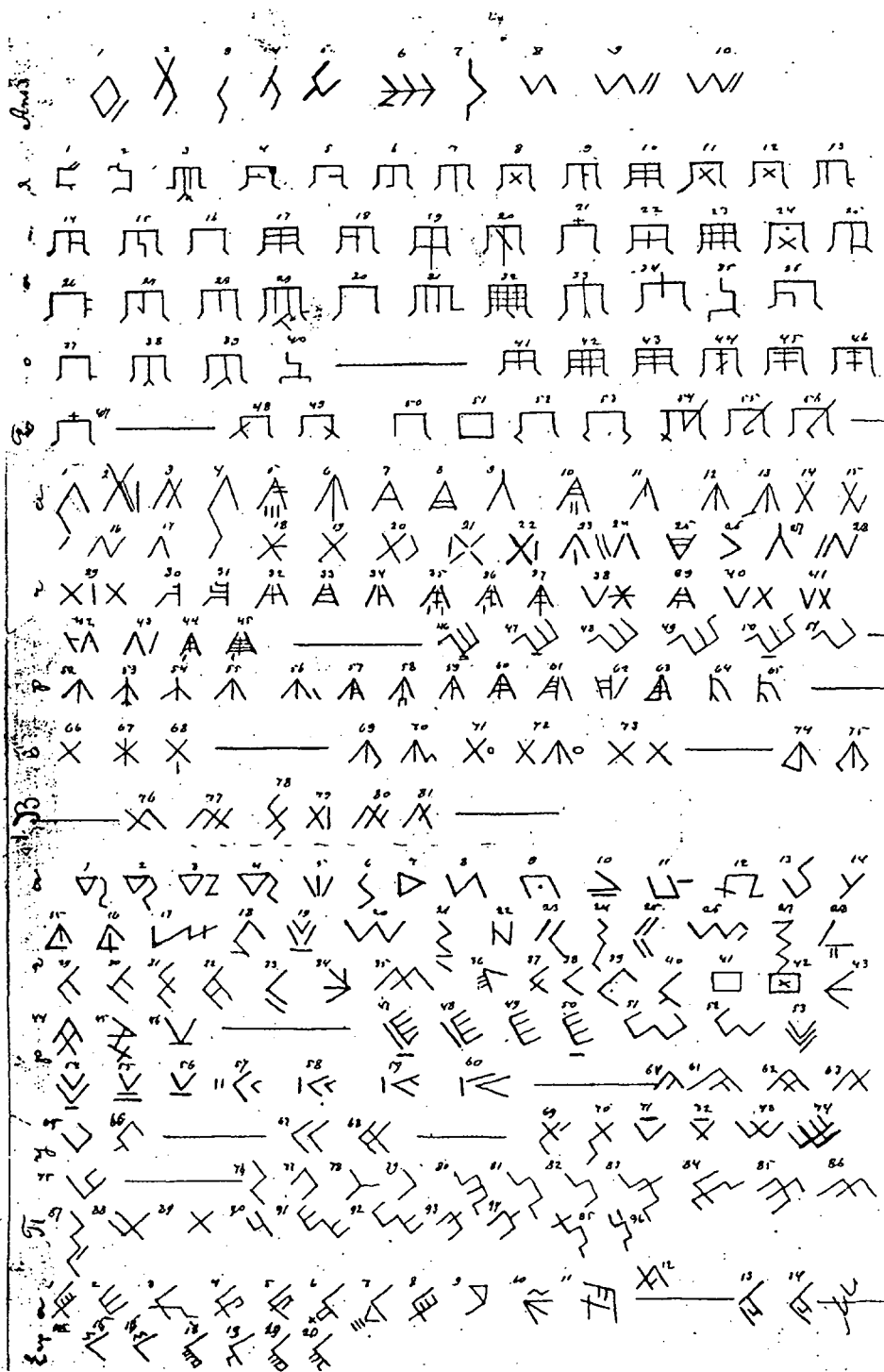
IV. Имена, происшедшие от названий рек или тождественные с ними. Как ни привлекательна гипотеза г. Смирнова, ей, однако, нельзя придавать большего значения ранее, чем успеем доказать, что вотяки жили на тех реках, названия которых, будучи действительно необъяснимы из вотскаго языка, легко объяснимы из чудскаго = пермяцкаго. Что же касается^а воршудных названий с словом *шур*, речка, то все примеры этого рода (у г. Смирнова) касаются ничтожных ручьев; так что неизвестно: они (ручьи) дали свое имя вотскому роду, или наоборот.¹ Почти в каждом большом селении имеются такие названия ручьев и объясняются ничем иным, как обычными именами женщин. Необъяснимость из вотскаго языка объясняется довольно произвольно. Язык живой легко изменяется, названия же, переходящие из рода в род, сохраняют свою неприкосновенность. Это касается одинаково как воршудных, так и речных названий. Они давно для вотяков отчасти (все ли, еще вопрос) комплекс звуков, без смысла, в силу только своей архаичности, а не чуждаго происхождения. Уже и затем

23v

нет нужды стесняться в объяснении хотя бы и речных названий из вотскаго языка, что он является только разновидностью по отношению к пермяцкому: жизнь обоих народов некогда более сближала их между собой, чудь жила расселенно в земле вотяков и вотяки в земле пермяков. Поэтому нет нужды принимать „речную гипотезу” с чудениями названиями рек. Можно только констатировать факт большого сходства языков пермяцкаго и вотскаго в ту древнюю эпоху, когда получила свои названия большая часть современных воршудов.

^а utána áthúzza két olvashatatlan szó

¹ Вернее – неследнее, так как Юмская волость населена сравнительно недавно, а только в ней есть селение Чурашур, где, впрочем, нет воршуда Чура.

Наличность ворпудных имен тожественна с названиями речек в землях, запятых нет или в историческое время пермяками, значительна. Г. Смирнов называет следующие: Лекма, Юмья, Чабья, Докья, Вабья (Вамья, так или *бам* часто смещиваются), Можга, Нырья (I 39). Кроме того Бадья-шор, Изья-шор (сопоставим с Узя), Кошгья-шор (с Кушья), Вия-шор (с Бия), Сенья-шор (Сэнья) (II 82), Йора (92). т. е. Юра. Как прояснились бы туманная история воти, если бы удалось доказать непосредственную связь ворпудных имен с этими речками ...

В интересах науки, однако, важно заметить некоторую путанность в самой основе разбитой гипотезы. Суффикс *ья* принадлежит не только пермяцкому, но и вогулскому языку (II 83).

Составитель П. Сорокин